

Аналогіи, отмѣчавшіяся самимъ авторомъ съ нѣкоторыми древне-византійскими памятниками, и повтореніе нѣкоторыхъ деталей въ поздне-византійскихъ памятникахъ не даютъ ли право на отнесеніе самого памятника къ византійскому, или къ западнымъ, но уже съ нѣкоторымъ вліяніемъ этого древне-византійскаго искусства?

Е. Рѣдинъ.

Constantin Jireček. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Erster Theil. Wien 1901, 104 стр. Zweiter Theil. Wien 1903, 80 стр. Dritter Theil. Wien 1904. 78 стр. 4°.

Въ этой замѣчательной книгѣ профессоръ Вѣнскаго университета К. Иречекъ излагаетъ результаты своихъ долготѣхнхъ работъ въ архивахъ далматинскихъ городовъ по исторіи римскаго элемента въ Далмаціи, издавна служившей ареной культурно-политическаго состязанія трехъ великихъ культурныхъ міровъ: византійскаго, романскаго и славянскаго. Въ первой части проф. Иречекъ излагаетъ выводы своего изслѣдованія, во второй и третьей сообщаетъ документы, послужившіе для нихъ матеріаломъ, а также списки собственныхъ именъ жителей древне-романскихъ городовъ.

Первое появленіе романскаго элемента въ Далмаціи восходитъ къ начальнымъ временамъ римской колонизаціи Балканскаго полуострова. Эта колонизація, по Иречку, шла двумя потоками: болѣе интенсивнымъ — на берега Далмаціи и болѣе слабымъ — къ берегамъ нижняго Дуная. Первое теченіе ведетъ свое начало еще отъ временъ республики и отличалось сравнительно мирнымъ, общественнымъ, гражданскимъ характеромъ; второе, напротивъ, носило болѣе военный характеръ, такъ какъ ему дало толчокъ перенесеніе лагерныхъ стоянокъ во времена Августа и Тиберія изъ Македоніи въ мѣстности нынѣшней Сербіи и западной Болгаріи. Въ Далмаціи римское владычество утвердилось послѣ войны съ иллирійской царицей Теутой (229 г. до Р. Х.), но во время республики оно ограничивалось только отдѣльными островами и береговой линіей. Внутреннія области покорилъ Августъ (35—33 гг. до Р. Х.). Новая провинція обнимала берега Далмаціи отъ устья Арсы (Рамы) до рѣки Мати (въ сѣверной Албаніи); на востокѣ она простиралась до нынѣшней Сербіи, гдѣ мѣстности Рудника и Чачака принадлежали Далмаціи. По берегамъ лежали многочисленныя городскія общины римлянъ, изъ которыхъ особенно большую славу приобрѣли: Салона (Солинъ), Ядеръ (Задръ), Эпидавръ (Ragusa vecchia) и др. Внутреннія области Далмаціи были населены римлянами гораздо рѣже, и большая часть ихъ осталась de facto во власти туземныхъ иллирійскихъ племенъ; послѣднія подвергались латинизаціи очень медленно, и языкъ нынѣшнихъ албанцевъ, говорящихъ наполовину романизованнымъ иллирійскимъ языкомъ, показываетъ, что конечную побѣду одержалъ латинскій языкъ не вездѣ. На югѣ Далма-

ціи латинскій языкъ сталкивался съ другимъ мировымъ языкомъ того времени—греческимъ. Границы между обоими классическими языками въ общихъ чертахъ совпадали съ границами провинцій Балканскаго полуострова I—III вв. до реформъ Діоклетіана. За исключеніемъ обитателей горныхъ областей нынѣшнихъ Босніи, зап. Сербіи, Черногоріи и сѣв. Албаніи, положившихъ начало албанской народности, остальные туземцы Далмаціи романизовались быстро: ихъ языкъ, называемый «древне-далматинскимъ», составлялъ промежуточное звено между румынскимъ языкомъ и восточно-итальянскими говорами; послѣдніе слѣды этого діалекта исчезли только въ нынѣшнемъ столѣтіи (на о-вѣ Кркѣ).

Эти этнографическія отношенія въ Далмаціи оставались въ общихъ чертахъ неизмѣненными до середины VI ст., когда изъ степей нынѣшней Валахіи на равнины и горы Балканскаго полуострова устремились неудержимымъ потокомъ славяне. Территоріей ихъ колонизаціи сдѣлалась прежде всего восточная часть Балканскаго полуострова, но и на западѣ они появились сравнительно рано, именно уже въ 548 г. они раззорили окрестности Диррахіа. Не прошло послѣ этого и полустолѣтія, какъ «славянская опасность» застучала въ ворота и прибрежныхъ далматинскихъ городовъ. Еще въ 598 г. папа Григорій I получилъ отъ экзарха Италіи Каллимаха извѣстіе о побѣдахъ надъ славянами, а Павелъ Діаконъ описываетъ еще до смерти Маврикія опустошеніе Истріи лонгобардами, аварами и славянами. Но окончательное вторженіе славянъ въ Далмацію послѣдовало въ первое десятилѣтіе VII в. въ бурные годы царствованія Никифора Фоки. «Въ то время, когда персы наводнили провинціи Азіа и въ 609 г. явились на Босфорѣ противъ Константинополя, когда римскіе чиновники и гарнизоны въ Сиріи и Египтѣ возстали противъ узурпатора и въ Кареагенѣ подготавливалась почва для возвышенія Ираклія, всѣ пути во Фракіи и Иллиріи для славянъ и аваръ были открыты». Одной изъ главнѣйшихъ добычъ славянъ сдѣлался одинъ изъ первыхъ по древности и богатству городовъ Далмаціи—Салона, бѣжавшіе жители которой основали недалеко отъ дворца Діоклетіана селеніе, разросшееся впослѣдствіи въ цѣлый городъ Сплѣтъ (Spalato). Вслѣдъ за паденіемъ Салоны, погибъ Эпидавръ, спасшіеся жители котораго основали Рагузу (Дубровникъ), далѣе той же печальной участи подверглись Діоклея, Рисиній, Нарона, Скардона, Энона и др. Изъ этого краткаго мартиролога далматинскихъ городовъ явственно выступаетъ завоевательный характеръ переселенія славянъ, и попытку Константина Багрянороднаго представить его какъ мирную колонизацію, вызванную самими греками, проф. Иречекъ считаетъ неудачной. Не смотря на всѣ эти удары, Византія сохраняла еще власть надъ многими городами и крѣпостями въ Далмаціи, какъ материковой, такъ и островной. Потеря среднедалматинскихъ острововъ, которые прибрежнымъ городамъ давали главный доходъ, послѣдовала только въ IX в., вслѣдствіе морскихъ походовъ арабовъ и разбоевъ славянскихъ неретвянъ. Въ этомъ же столѣтіи славянская колонизація до-

стигла и плодоносной береговой полосы, теплой зоны виноградниковъ и масляничныхъ садовъ: хорватскіе князья имѣли резиденціи въ Клисѣ у Салоны, Бигчѣ близъ Трогира и Нинѣ близъ Задра. Когда броженіе народовъ улеглось, Византія съ своей системой подарковъ и всевозможныхъ жалованій заключила договоры съ отдѣльными славянскими князьями и до нѣкоторой степени вернула себѣ верховенство надъ утраченными областями. О долговременной мирной жизни обоихъ народовъ свидѣтельствуется заимствованіе славянами многихъ древнихъ названій городовъ и острововъ. Въ эпоху Константина Багрянороднаго византійская Далмація состояла изъ трехъ кварнерскихъ острововъ: Керка, Раба и Осора, области Задра и двухъ паръ городовъ: Трогира и Сплѣта, Дубровника и Котора. Византійское верховенство признавалось въ Задрѣ до XI ст., послѣ котораго онъ надолго сдѣлался яблокомъ раздора между Венеціей и Угріей. Въ Сплѣтѣ на короткое время возстановилъ византійское господство Мануилъ Комнинъ († 1180). Наидолѣе, до 4-го крестоваго похода, оставался подъ властію грековъ Дубровникъ. Въ противоположность этимъ рѣзкимъ перемѣнамъ политической жизни Далмаціи, болѣе незамѣтный, но за то болѣе безвозвратный характеръ имѣло измѣненіе этнографическаго состава населенія Далмаціи. Оно состояло въ медленной славянизации романскихъ туземцевъ страны. Изучая топографическую номенклатуру Далмаціи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, проф. Иречекъ пришелъ къ интересному наблюденію, что мѣстности, особенно густо населенныя романцами, въ устахъ славянъ сохранили слѣды своего латинскаго происхожденія. Таковы названія Задра (=Jader), Сплѣта (Spalato), Трогира (Tragurium), Солина (Salona) и т. д. Напротивъ, мѣстности съ болѣе рѣдкимъ романскимъ населеніемъ, какъ географическіе пункты внутренней Далмаціи, имѣютъ чисто славянскія названія. Замѣчательно, что классическія названія, по большей части, сохранились также во многихъ мѣстахъ сѣв. Македоніи (Дарданіи) и Ст. Сербіи. Изъ этого обстоятельства проф. Иречекъ заключаетъ о ложности весьма распространеннаго мнѣнія, что албанцы явились въ Старую Сербію только въ турецкое время. — Послѣ этнографическаго и политическаго очерка Далмаціи, проф. Иречекъ переходитъ къ описанію культурной жизни романцевъ въ далматинскихъ городахъ, далѣе предлагаетъ обширную коллекцію географическихъ и личныхъ названій, почерпнутыхъ по большей части изъ первоисточниковъ, и чрезвычайно интересныхъ не только для историка, но для лингвиста, и, наконецъ, въ особой главѣ характеризуетъ древне-далматинскій діалектъ.

Въ послѣдней своей книгѣ проф. Иречекъ опять возвращается къ славянамъ, но на этотъ разъ исключительно къ славянамъ-горожанамъ. Здѣсь онъ отмѣчаетъ постепенное возрастаніе (начиная съ X в.) славянскаго элемента въ городахъ Далмаціи и параллельное съ нимъ увеличеніе въ письменныхъ памятникахъ числа славянскихъ личныхъ именъ. Взаимному сближенію обоихъ племенъ содѣйствовали весьма частые во

время средних вѣковъ браки городскихъ патриціевъ со славянками благороднаго происхожденія изъ окрестныхъ мѣстностей. Не смотря на то, что славянскій элементъ въ романскихъ городахъ былъ едва-ли не въ большинствѣ, официальнымъ языкомъ общинъ былъ далматинскій или итальянскій языкъ славянскій же былъ только языкомъ поэзіи и домашняго очага. Усиленію славянскаго элемента въ городахъ способствовали разныя моровыя язвы, особенно 1348 г., сильно уменьшившія число старинныхъ гражданъ (Altbürger). Романское населеніе въ современныхъ далматинскихъ городахъ въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ уже ничего общаго съ первоначальнымъ.

Г. Ильинскій.

E. Kałuzniacki. *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius* (1375—1393).

Nach den besten Handschriften herausgegeben. Wien, Carl Gerold's Sohn. CXXVIII + 450 стр. 8°.

Послѣ обстоятельныхъ изслѣдованій литературной дѣятельности болгарскаго патриарха Евѳимія и его эпохи гг. Радченко (Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ 1898) и Сырку (Время и жизнь патр. Евѳимія Терновскаго. СПб. 1898) критическое изданіе всѣхъ извѣстныхъ сочиненій знаменитаго болгарскаго писателя составляло очередную, хотя и очень трудную, задачу исторіи церковнославянской письменности. Въ профессорѣ Черновецкаго университета Эмилиі Калужняцкомъ эта задача нашла добросовѣстнаго, опытнаго и вооруженнаго методами новѣйшей филологической науки исполнителя. Для своего изданія онъ воспользовался 87 рукописями, содержащими сочиненія патр. Евѳимія. Изъ нихъ только одна, именно пергаменный свитокъ въ церкви Зографскаго монастыря на Аѳонѣ относится къ XIV в., изъ остальныхъ самыя старыя восходятъ только къ XV ст. (не раньше 1439 г.). Большая часть рукописей содержитъ только по одному сочиненію упомянутаго писателя, и только двѣ— по пяти или по шести. Чаще всего встрѣчаются житія Іоанна Рыльскаго и св. Параскевы, похвальное слово императору Константину и его матери Еленѣ и посланіе Кипріану, рѣже другія сочиненія, наиболѣе же рѣдки— Похвальное слово Іоанну Полиотскому и второе Посланіе Никодиму. Каждое изъ послѣднихъ сочиненій представлено только по одной рукописи, а отъ посланія Никодима сохранился только ничтожный отрывокъ. Такъ какъ всѣ эти рукописи разбросаны по библіотекамъ на огромномъ пространствѣ отъ Петербурга до Афона и отъ Вѣны до Казани, то далеко не каждой проф. Калужняцкій могъ воспользоваться непосредственно: изъ использованныхъ для изданія рукописей онъ только 25 держалъ въ своихъ рукахъ, 29 ему были извѣстны въ спискахъ и извлеченіяхъ и только 8— по печатнымъ изданіямъ. Остальныя изъ 87 рукописей были извѣстны проф. Калужняцкому только библіографически. Важнѣйшими какъ по древности, такъ и по относительной вѣрности текста рукописями,